

Панночка-русалка

Панночка-русалка, утопленница, — героиня старинной легенды, которую в 1-й главе повести «Майская ночь, или Утопленница» рассказывает своей возлюбленной «формально-главный» герой повести, бандурист Левко. Позже, в 5-й главе, — волшебная помощница Левко. Панночка у Гоголя должна напомнить читателю и о фольклорной традиции (недаром впервые она появляется в «обрамлении» местной легенды), и о таинственно-эротических нимфах немецкого романтизма, и об оперных персонажах.

Указывая на брошенный дом возле леса (в 1820-е годы шел спор о том, какими «нимфами» были русалки — речными или лесными), Левко передает своей возлюбленной Ганне «сказ» старых людей. Некогда у вдового сотника была дочь, ясная панночка, «белая, как снег»; пообещав дочери, что будет холить ее по-прежнему, сотник приводит в дом новую жену, румяную и белую. «Ведьмовство» мачехи несомненно; в первую же ночь в светлицу падчерицы прокрадывается страшная черная кошка с горящей шерстью и железными когтями; отрубив кошке лапу отцовской саблей, Панночка наутро замечает, что рука у мачехи замотана тряпкою. Отца как будто подменяют; на пятый день он выгоняет дочь «босою» и без куска хлеба; оплакав «погибшую душу» отца, та бросается с высокого берега в реку — и становится главной над утопленницами, которые в лунную ночь выходят в панский сад греться на месяце. В одну из таких ночей они утаскивают ведьму под воду, но та обращается в одну из утопленниц. С тех пор каждую ночь Панночка собирает всех русалок и заглядывает им в лица, стараясь угадать ведьму. «И если попадет из людей кто, тотчас заставляет его угадывать, не то грозит утопить в воде».

Приурочив действие повести к «недавней» послеекатерининской старине с ее безобидной демонологией, а не к давним временам (которым принадлежит Панночка) с их «взаправдашной», погибельной чертовщиной, Гоголь должен был избрать счастливую развязку и невольно соотносит свою Панночку с балетными нимфами начала XIX века.

Левко, переживший потрясение (выясняется, что отец не дал согласие на брак с Ганной, поскольку сам имеет на нее виды), мстит отцу-обидчику, инсценировав «бесовские» игрища. Затем он приходит к заброшенному дому Панночки. Левко не верит «бабьим» рассказам; на нем вывороченный тулуп, — но это не знак настоящего оборотничества, а всего лишь «маскарадный костюм», который был необходим для мести отцу. Да и сама месть «парубка», в отличие от русалочьей мести мачехе, была всего лишь игрой. Однако в свете странной ночи старый дом словно преобразился; «странное, упоительное» сияние, запах цветущих яблонь, мелькнувший в окне белый локоть сливаются в мертвенно-прекрасный лунный образ. Левко не может удержаться, чтобы не заиграть на бандуре и не запеть. Перед ним — Панночка: «Парубок, найди мне мою мачеху!» Русалки затевают игру в ворона; в отличие от той, которую устроили в селе парубки, эта обрядовая игра — серьезна; та утопленница, которая сама вызывается быть вороном, чтобы «отнимать цыпленков у бедной матери», и есть — ведьма. Мачеха схвачена; отныне Панночка свободна от наваждения, русалочье уныние покидает ее; Левко награжден и возвращается с подаренной ему запиской от «комиссара» к грозному отцу с приказом немедленно женить сына на Ганне.

Повесть, начавшаяся разговором героев о звездах как ангелах Божиих, глядящих из своих окошек, и о пасхальной победе над темными силами, завершается мысленным пожеланием Левко: «Дай тебе Бог небесное царство, добрая и прекрасная панночка...» Это пожелание полностью расходится с церковной традицией (самоубийц далеко не всегда отпевают и не хоронят в церковной ограде), но совпадает с полуфольклорным образом

рая, каким его воображают герои «Вечеров». В этом раю (где небо подобно «надземной» реке) не просто может найтись место для доброй Панночки-русалки, которая тоже смотрит на мир из своего светящегося «окошка», но ей необязательно и расставаться с «русалочьим» обликом: «Пусть тебе на том свете вечно усмехается между ангелами святыми!»